

ОСКАР УАЙЛЬД

Портрет
Дориана Грея

МОСКВА

2024

УДК 821.111(084)
ББК 84(4Вел)-80
У13

Уайльд, Оскар.

У13 Портрет Дориана Грея / Оскар Уайльд ; иллюстрации Valentine ; перевод с английского Марии Абкиной. — Москва : Эксмо, 2024. — 304 с. : ил. — (Империя чувств. Классика в стиле аниме).

ISBN 978-5-04-195345-4

Увидев однажды свой прекрасный портрет, молодой Дориан Грей страстно пожелал никогда не терять свою молодость и красоту. И его мечта сбылась: отныне принимать на себя все следы увядания и разложения души будет нарисованный портрет.

Дориан Грей сохранил ангельское лицо, но страшный груз его злых деяний стал слишком тяжёл, чтобы остаться незамеченным.

Проникновенные иллюстрации, представленные в формате комикса и читающиеся справа налево, нарисовал современный художник Valentine.

Текст печатается в переводе Марии Абкиной.

УДК 821.111(084)
ББК 84(4Вел)-80

ISBN 978-5-04-195345-4

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Предисловие

Художник — тот, кто создаёт прекрасное.
Раскрыть людям себя и скрыть художника —
вот к чему стремится искусство.
Критик — это тот, кто способен в новой форме
или новыми средствами
передать своё впечатление от прекрасного.
Высшая, как и низшая, форма критики —
один из видов автобиографии.
Те, кто в прекрасном находит дурное, —
люди испорченные, и притом испорченность
не делает их привлекательными.
Это большой грех.
Те, кто способен узреть в прекрасном
его высокий смысл, — люди культурные.
Они не безнадёжны. Но избранник —
тот, кто в прекрасном видит лишь одно:
Красоту.
Нет книг нравственных или безнравственных.
Есть книги хорошо написанные
или написанные плохо.
Вот и всё.
Ненависть девятнадцатого века к Реализму —
это ярость Калибана¹,
увидевшего себя в зеркале.
Ненависть девятнадцатого века к Романтизму —
это ярость Калибана, не находящего
в зеркале своего отражения.

¹ К а л и б а н — персонаж пьесы Шекспира «Буря», четвероногое чудовище, олицетворение тёмных сил, уродства, невежества.

Для художника нравственная жизнь
человека — лишь одна из тем его творчества.
Этика же искусства — в совершенном применении несо-
вершенных средств.

Художник не стремится что-то доказывать.
Доказать можно даже неоспоримые истины.

Художник не моралист.

Подобная склонность художника
рождает непростительную манерность стиля.
Не приписывайте художнику нездоровых тенденций:
ему дозволено изображать всё.

Мысль и Слово для художника — средства Искусства.
Порок и Добродетель — материал для его творчества.

Если говорить о форме —
прообразом всех искусств является
искусство музыканта.

Если говорить о чувстве — искусство актёра.

Во всяком искусстве есть то,
что лежит на поверхности, и символ.
Кто пытается проникнуть глубже поверхности,
тот идёт на риск.

И кто раскрывает символ, идёт на риск.
В сущности, Искусство — зеркало, отражающее того,
кто в него смотрится, а вовсе не жизнь.

Если произведение искусства вызывает
споры — значит, в нём есть нечто новое,
сложное и значительное.

Пусть критики расходятся во мнениях —
художник остаётся верен себе.

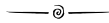
Можно простить человеку, который делает
нечто полезное, если только он этим не восторгается.

Тому же, кто создаёт бесполезное,
единственным оправданием служит лишь
страстная любовь к своему творению.
Всякое искусство совершенно бесполезно.

Оскар Уайльд

Глава I

Густой аромат роз наполнял мастерскую художника, а когда в саду поднимался летний ветерок, он, влетая в открытую дверь, приносил с собой то пьянящий запах сирени, то нежное благоухание алых цветов боярышника.

С покрытого персидскими чепраками дивана, на котором лежал лорд Генри Уоттон, куря, как всегда, одну за другой бесчисленные папиросы, был виден только куст раkitника — его золотые и душистые, как мёд, цветы жарко пылали на солнце, а трепещущие ветви, казалось, едва выдерживали тяжесть этого сверкающего великолепия; по временам на длинных шёлковых занавесях громадного окна мелькали причудливые тени пролетающих мимо птиц, создавая на миг подобие японских рисунков, — и тогда лорд Генри думал о желтолицых художниках далёкого Токио, стремившихся передать движение и порыв средствами искусства, по природе своей статичного. Сердитое жужжание пчёл, пробирающихся в нескошенной высокой траве или однообразно и настойчиво круживших над осыпанной золотой пылью кудрявой жимолостью, казалось, делало тишину ещё более гнетущей. Глухой шум Лондона доносился сюда, как гудение далёкого органа.

Посреди комнаты стоял на мольберте портрет молодого человека необыкновенной красоты, а перед

мольбертом, немного поодаль, сидел и художник, тот самый Бэзил Холлуорд¹, чьё внезапное исчезновение несколько лет назад так взволновало лондонское общество и вызвало столько самых фантастических предположений.

Художник смотрел на прекрасного юношу, с таким искусством отображённого им на портрете, и довольная улыбка не сходила с его лица. Но вдруг он вскочил и, закрыв глаза, прижал пальцы к векам, словно желая удержать в памяти какой-то удивительный сон и боясь проснуться.

— Это лучшая твоя работа, Бэзил, лучшее из всего того, что тобой написано, — лениво промолвил лорд Генри. — Непременно надо в будущем году послать её на выставку в Гровенор². В Академию не стоит. Академия слишком обширна и общедоступна³. Когда ни придёшь, встречаешь там столько людей, что не видишь картин, или столько картин, что не удаётся людей посмотреть. Первое очень неприятно, второе ещё хуже. Нет, единственное подходящее место — это Гровенор.

— А я вообще не собираюсь выставлять этот портрет, — отозвался художник, откинув голову, по своей характерной привычке, над которой, бывало, подтру-

¹ Исследователи творчества Уайльда признают прототипом Бэзила Холлуорда друга писателя — живописца Бэзила Уорда, в мастерской которого Уайльд видел натурщика, чьи черты он придал впоследствии облику Дориана Грея.

² Гр о в е н о р — основанная К. Линдсеем в 1877 г. частная картинная галерея на площади Гровенор в центральной части Лондона, где было сосредоточено творчество представителей импрессионизма и иных неакадемических течений в живописи конца XIX в.

³ А к а д е м и я — Королевская Академия художеств, существующая с 1768 г., «цитадель» традиционного искусства.

нивали его товарищи в Оксфордском университете. — Нет, никуда я его не пошлю.

Удивлённо подняв брови, лорд Генри посмотрел на Бэзила сквозь голубой дым, причудливыми кольцами поднимавшийся от его пропитанной опиумом папиросы.

— Никуда не пошлешь? Это почему же? По какой такой причине, мой милый? Чудаки, право, эти художники! Из кожи лезут, чтобы добиться известности, а когда слава приходит, они как будто тяготеют к ней. Как это глупо! Если неприятно, когда о тебе много говорят, то ещё хуже, когда о тебе совсем не говорят. Этот портрет вознёс бы тебя, Бэзил, много выше всех молодых художников Англии, а старым внушил бы сильную зависть, если старики вообще ещё способны испытывать какие-либо чувства.

— Знаю, ты будешь надо мною смеяться, — возразил художник, — но я, право, не могу выставить на показ этот портрет... Я вложил в него слишком много самого себя.

Лорд Генри расхохотался, поудобнее устраиваясь на диване.

— Ну вот, я так и знал, что тебе это покажется смешным. Тем не менее это истинная правда.

— Слишком много самого себя? Ей-богу, Бэзил, я не подозревал в тебе такого самомнения. Не вижу ни малейшего сходства между тобой, мой черноволосый, суроволицый друг, и этим юным Адонисом¹, словно созданным из слоновой кости и розовых лепестков. Пойми, Бэзил, он — Нарцисс, а ты... Ну, конечно,

¹ Адонис — в древнегреческой мифологии прекрасный юноша, спутник и возлюбленный Афродиты, богини любви и красоты.

лицо у тебя одухотворённое и всё такое. Но красота, подлинная красота, исчезает там, где появляется одухотворённость. Высоко развитый интеллект уже сам по себе некоторая аномалия, он нарушает гармонию лица. Как только человек начнёт мыслить, у него непропорционально вытягивается нос, или увеличивается лоб, или что-нибудь другое портит его лицо. Посмотри на выдающихся деятелей любой учёной профессии — как они уродливы! Исключение составляют, конечно, наши духовные пастыри, — но эти ведь не утруждают своих мозгов. Епископ в восемьдесят лет продолжает твердить то, что ему внушали, когда он был семнадцатилетним юнцом, — естественно, что лицо его сохраняет красоту и благообразие. Судя по портрету, твой таинственный молодой приятель, чьё имя ты упорно не хочешь назвать, очарователен, — значит, он никогда ни о чём не думает. Я в этом совершенно убеждён. Наверное, он — безмозглое и прелестное божье создание, которое нам следовало бы всегда иметь перед собой: зимой, когда нет цветов, — чтобы радовали глаза, а летом — чтобы освежали разгорячённый мозг. Нет, Бэзил, не льсти себе: ты ничуть на него не похож.

— Ты меня не понял, Гарри, — сказал художник. — Разумеется, между мною и этим мальчиком нет никакого сходства. Я это отлично знаю. Да я бы и не хотел быть таким, как он. Ты пожимаешь плечами, не веришь? А между тем я говорю вполне искренне. В судьбе людей, физически или духовно совершенных, есть что-то роковое — точно такой же рок на протяжении всей истории как будто направлял неверные шаги королей. Гораздо безопаснее ничем не отличаться от других. В этом мире всегда остаются в барыше глупцы и уро-

ды. Они могут сидеть спокойно и смотреть на борьбу других. Им не дано узнать торжество побед, но зато они избавлены от горечи поражений. Они живут так, как следовало бы жить всем нам, — без всяких треволнений, безмятежно, ко всему равнодушные. Они никого не губят и сами не гибнут от вражеской руки... Ты знатен и богат, Гарри, у меня есть интеллект и талант, как бы он ни был мал, у Дориана Грея — его красота. И за все эти дары богов мы расплатимся когда-нибудь, заплатим тяжкими страданиями.

— Дориана Грея? Ага, значит, вот как его зовут? — спросил лорд Генри, подходя к Холлуорду.

— Да. Я не хотел называть его имя...

— Но почему же?

— Как тебе объяснить... Когда я очень люблю кого-нибудь, я никогда никому не называю его имени. Это всё равно что отдать другим какую-то частицу дорогого тебе человека. И знаешь — я стал скрытен, мне нравится иметь от людей тайны. Это, пожалуй, единственное, что может сделать для нас современную жизнь увлекательной и загадочной. Самая обыкновенная безделица приобретает удивительный интерес, как только начинаешь скрывать её от людей. Уезжая из Лондона, я теперь никогда не говорю своим родственникам, куда еду. Скажи я им — и всё удовольствие пропадёт. Это смешная прихоть, согласен, но она каким-то образом вносит в мою жизнь изрядную долю романтики. Ты, конечно, скажешь, что это ужасно глупо?

— Нисколько, — возразил лорд Генри. — Нисколько, дорогой Бэзил! Ты забываешь, что я человек женатый, а в том и состоит единственная прелесть брака, что обеим сторонам неизбежно приходится изощряться

во лжи. Я никогда не знаю, где моя жена, и моя жена не знает, чем занят я. При встречах — а мы с ней иногда встречаемся, когда вместе обедаем в гостях или бываем с визитом у герцога, — мы с самым серьезным видом рассказываем друг другу всякие небылицы. Жена делает это гораздо лучше, чем я. Она никогда не запутается, а со мной это бывает постоянно. Впрочем, если ей случается меня уличить, она не сердится и не устраивает сцен. Иной раз мне это даже досадно. Но она только подшучивает надо мной.

— Терпеть не могу, когда ты в таком тоне говоришь о своей семейной жизни, Гарри, — сказал Бэзил Холлуорд, подходя к двери в сад. — Я уверен, что на самом деле ты прекрасный муж, но стыдишься своей добродетели. Удивительный ты человек! Никогда не говоришь ничего нравственного — и никогда не делаешь ничего безнравственного. Твой цинизм — только поза.

— Знаю, что быть естественным — это поза, и самая ненавистная людям поза! — воскликнул лорд Генри со смехом.

Молодые люди вышли в сад и уселись на бамбуковой скамье в тени высокого лаврового куста. Солнечные зайчики скользили по его блестящим, словно лакированным листьям. В траве тихонько покачивались белые маргаритки.

Некоторое время хозяин и гость сидели молча. Потом лорд Генри посмотрел на часы.

— Ну, к сожалению, мне пора, Бэзил, — сказал он. — Но раньше, чем я уйду, ты должен ответить мне на вопрос, который я задал тебе.

— Какой вопрос? — спросил художник, не поднимая глаз.

— Ты отлично знаешь какой.

— Нет, Гарри, не знаю.

— Хорошо, я тебе напомним. Объясни, пожалуйста, почему ты решил не посылать на выставку портрет Дориана Грея. Я хочу знать правду.

— Я и сказал тебе правду.

— Нет. Ты сказал, что в этом портрете слишком много тебя самого. Но ведь это же ребячество!

— Пойми, Гарри. — Холлуорд посмотрел в глаза лорду Генри. — Всякий портрет, написанный с любовью, — это, в сущности, портрет самого художника, а не того, кто ему позировал. Не его, а самого себя раскрывает на полотне художник. И я боюсь, что портрет выдаст тайну моей души. Потому и не хочу его выставлять.

Лорд Генри расхохотался.

— И что же это за тайна? — спросил он.

— Так и быть, расскажу тебе, — начал Холлуорд как-то смущённо.

— Ну-с? Я сгораю от нетерпения, Бэзил, — настаивал лорд Генри, поглядывая на него.

— Да говорить-то тут почти нечего, Гарри.. И вряд ли ты меня поймёшь. Пожалуй, даже не поверишь.

Лорд Генри только усмехнулся в ответ и, наклонясь, сорвал в траве розовую маргаритку.

— Я совершенно уверен, что пойму, — отозвался он, внимательно разглядывая золотистый с белой опушкой пестик цветка. — А поверить я способен во что угодно, и тем охотнее, чем оно невероятнее.

Налетевший ветерок стряхнул несколько цветков с деревьев; тяжёлые кисти сирени, словно сотканые из звёздочек, медленно закачались в разнеженной зноем сонной тишине. У стены трещал кузнечик. Длинной

голубой нитью на прозрачных коричневых крылышках промелькнула в воздухе стрекоза... Лорду Генри казалось, что он слышит, как стучит сердце в груди Бэзила, и он пытался угадать, что будет дальше.

— Ну, так вот... — заговорил художник, немного помолчав. — Месяца два назад мне пришлось быть на рауте у леди Брэндон. Ведь нам, бедным художникам, следует время от времени появляться в обществе, хотя бы для того, чтобы показать людям, что мы не дикари. Помню твои слова, что во фраке и белом галстуке кто угодно, даже биржевой маклер, может сойти за цивилизованного человека.

В гостиной леди Брэндон я минут десять беседовал с разряженными в пух и прах знатными вдовами и с нудными академиками, как вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Я оглянулся и тут-то в первый раз увидел Дориана Грея. Глаза наши встретились, и я почувствовал, что бледнею. Меня охватил какой-то инстинктивный страх, и я понял: передо мной человек настолько обаятельный, что, если я поддамся его обаянию, он поглотит меня всего, мою душу и даже моё искусство. А я не хотел никаких посторонних влияний в моей жизни. Ты знаешь, Генри, какой у меня независимый характер. Я всегда был сам себе хозяин... во всяком случае, до встречи с Дорианом Греем. Ну а тут... не знаю, как и объяснить тебе... Внутренний голос говорил мне, что я накануне страшного перелома в жизни. Я смутно предчувствовал, что судьба готовит мне необычайные радости и столь же изощрённые мучения. Мне стало жутко, и я уже шагнул было к двери, решив уйти. Сделал я это почти бессознательно, из какой-то трусости. Конечно, попытка сбежать не делает мне чести. По совести говоря...

— Совесть и трусость, в сущности, одно и то же, Бэзил. «Совесть» — официальное название трусости, вот и всё.

— Не верю я этому, Гарри, да и ты, мне думается, не веришь... Словом, не знаю, из каких побуждений — быть может, из гордости, так как я очень горд, — я стал пробираться к выходу. Однако у двери меня, конечно, перехватила леди Брэндон. «Уж не намерены ли вы сбегать так рано, мистер Холлуорд?» — закричала она. Знаешь, какой у неё пронзительный голос!

— Ещё бы! Она — настоящий павлин, только без его красоты, — подхватил лорд Генри, разрывая маргаритку длинными нервными пальцами.

— Мне не удалось от неё отделаться. Она представила меня высочайшим особам, потом разным сановникам в звёздах и орденах Подвязки и каким-то старым дамам в огромных диадемах и с крючковатыми носами. Всем она рекомендовала меня как своего лучшего друга, хотя видела меня второй раз в жизни. Видно, она забрала себе в голову включить меня в свою коллекцию знаменитостей. Кажется, в ту пору какая-то из моих картин имела большой успех, — во всяком случае, о ней болтали в грошовых газетах, а в наше время это патент на бессмертие.

И вдруг я очутился лицом к лицу с тем самым юношей, который с первого взгляда вызвал в моей душе столь странное волнение. Он стоял так близко, что мы почти столкнулись. Глаза наши встретились снова. Тут я безрассудно попросил леди Брэндон познакомиться нас. Впрочем, это, пожалуй, было не такое уж безрассудство: всё равно, если бы нас и не познакомили, мы неизбежно заговорили бы друг с другом. Я в этом уверен. Это же самое сказал мне потом Дориан.

И он тоже сразу почувствовал, что нас свёл не случай, а судьба.

— А что же леди Брэндон сказала тебе об этом очаровательном юноше? — спросил лорд Генри. — Я ведь знаю её манеру бегло давать *précis*¹ каждому гостю. Помню, как она раз подвела меня к какому-то грозному краснолицему старцу, увешанному орденами и лентами, а по дороге трагическим шёпотом — его, наверное, слышали все в гостиной — сообщала мне на ухо самые ошеломительные подробности его биографии. Я просто-напросто сбежал от неё. Я люблю сам, без чужой помощи, разбираться в людях. А леди Брэндон описывает своих гостей точь-в-точь как оценщик на аукционе продающиеся с молотка вещи: она либо рассказывает о них самое сокровенное, либо сообщает вам всё, кроме того, что вы хотели бы узнать.

— Бедная леди Брэндон! Ты слишком уж строг к ней, Гарри, — рассеянно заметил Холлуорд.

— Дорогой мой, она стремилась создать у себя «салон», но получился попросту ресторан. А ты хочешь, чтобы я ею восхищался? Ну, бог с ней, скажи-ка мне лучше, как она отозвалась о Дориане Грее?

— Пробормотала что-то такое вроде: «Прелестный мальчик... мы с его бедной матерью были неразлучны... Забыла, чем он занимается... Боюсь, что ничем... Ах да, играет на рояле... Или на скрипке, дорогой мистер Грей?» Оба мы не могли удержаться от смеха, и это нас как-то сразу сблизило.

— Недурно, если дружба начинается смехом, и лучше всего, если она им же кончается, — заметил лорд Генри, срывая ещё одну маргаритку.

¹ Краткую характеристику, краткий обзор (*франц.*).

Холлуорд покачал головой.

— Ты не знаешь, что такое настоящая дружба, Гарри, — сказал он тихо. — Да и вражда настоящая тебе тоже незнакома. Ты любишь всех, а любить всех — значит, не любить никого. Тебе все одинаково безразличны.

— Как ты несправедлив ко мне! — воскликнул лорд Генри. Сдвинув шляпу на затылок, он смотрел на облачка, проплывавшие в бирюзовой глубине летнего неба и похожие на растрёпанные мотки блестящего шёлка. — Да, да, возмутительно несправедлив! Я далеко не одинаково отношусь к людям. В близкие друзья выбираю себе людей красивых, в приятели — людей с хорошей репутацией, врагов завожу только умных. Тщательнее всего следует выбирать врагов. Среди моих недругов нет ни единого глупца. Все они — люди мыслящие, достаточно интеллигентные и потому умеют меня ценить. Ты скажешь, что мой выбор объясняется тщеславием? Что ж, пожалуй, это верно.

— И я так думаю, Гарри. Между прочим, согласно твоей схеме, я тебе не друг, а просто приятель?

— Дорогой мой Бэзил, ты для меня гораздо больше, чем «просто приятель».

— И гораздо меньше, чем друг? Значит, что-то вроде брата, не так ли?

— Ну, нет! К братьям своим я не питаю нежных чувств. Мой старший брат никак не хочет умереть, а младшие только это и делают.

— Гарри! — остановил его Холлуорд, нахмутив брови.

— Дружище, это же говорится не совсем всерьёз. Но, признаюсь, я действительно не терплю свою родню. Это потому, должно быть, что мы не выносим людей